

ИСТОРИИ

На русском языке вышел новый роман Ханьи Янагихары «До самого рая» Лиза Биргер рассказывает, за что его уже критикуют и почему ключ к этому тексту — надежда

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

На русском вышел «До самого рая» (To Paradise) — третий роман Ханьи Янагихары. В России Янагихару страстно любят с момента выхода книги «Маленькая жизнь». Янагихара действительно умеет волновать, и споры вокруг каждого ее романа поднимаются примерно одни и те же: так ли уж хорошо он написан, не манипулирует ли автор чувствами читателя, не графомания ли это или что-то совершенно иное, имеющее к литературе только отдаленное отношение. По просьбе «Медузы» литературный критик Лиза Биргер рассказывает о новой книге американской писательницы.

«До самого рая» успел расколоть англоязычную аудиторию. Некоторые читатели, как критик The Guardian Алекс Престон, объявили его современным шедевром. Но гораздо больше тех, кому роман не понравился. Рецензентка из Harper's Magazine в конце текста, где разгромила все, от стиля до логики, пишет: «Если единственный антидот для опасных идей — это дидактическое повествование, то стоит задуматься (особенно в случае Янагихары), не будет ли такое лекарство хуже самой болезни». Да и те русские читатели, что успели добраться до романа еще в английской версии, в основном разделяют ее чувства.

И это, наверное, важно проговорить с самого начала: лучший способ подойти к роману Янагихары — не слушать рассказов о том, как вам будет скучно или как в нем не вяжутся концы с концами. Большие романы редко пишут те, кому совершенно нечего сказать. И хотя Янагихара доносит свою мысль весьма изощренным способом, она у нее, несомненно, есть, и довольно-таки для нас, ее русскоязычных читателей, важная.

И еще одно нельзя не проговорить сразу: выход этой книги в России — это, конечно, переводческий и издательский подвиг. Нечасто теперь на русском языке будут оперативно печатать современные американские романы, и еще реже они будут так тщательно, блистательно переведены. Александра Борисенко, Анастасия Завозова, Виктор Сонькин и присоединившаяся к ним Анна Гайденоко берутся за Янагихару уже в третий раз. Их великолепная работа кажется слегка избыточной, ведь язык романа, и так довольно блеклый, выцветает на глазах — по мере того как выцветает придуманный писательницей утопический мир XIX века, превращающийся в антиутопию конца XXI века.

Это постепенное движение от лучшего к худшему — еще одна примета романов Янагихары, в которых она снова и снова рассказывает об уничтоженном рае: так, в ее первом романе, «Люди среди деревьев», гибла природа, а в «Маленькой жизни» разрушалась дружеская

идиллия. И хотя движение в рай уже заложено в название нового романа, еще неизвестно, удастся ли кому-нибудь из героев достигнуть точки назначения. А вот рай потерянный тут весьма осязаемо присутствует.

Например, Гавайи. Или невинный мир детства, в котором тебя все опекали. Или, наконец, классический роман, в котором было все понятно и разъяснено. Такой, каким книга Янагихары совершенно точно не является.

Можно даже сказать, что «До самого рая» — некоторый новый тип романа, одновременно предельно просто написанный и довольно сложно устроенный. В романе три части, действие каждой следующей происходит сто лет спустя: в конце XIX, XX, XXI веков. В каждой части действуют герои с одинаковыми именами — Дэвиды Бингемы, Эдварды Бишопы, Натаниэли, Чарльзы.

В каждой части есть дом на Вашингтонской площади в Нью-Йорке, дворецкий по имени Адамс и кто-то с Гавайев. В каждой есть неоконченный вставной анекдот про кого-то, кто ждал и верил, вопреки обстоятельствам. И главное, в каждой повторяется одна и та же коллизия: герой (или героиня) слаб и безволен, или болен, или каким-то еще другим способом почеловечески сыроват, его опекает, пожалуй, слишком заботливый дедушка (или бабушка), и этот герой получает единственный шанс на то, чтобы стать кем-то другим. Этот шаг вперед, к переменам, требует большой смелости и еще большей, почти отчаянной, надежды.

Велик соблазн усмотреть во всех этих Дэвидах и Чарльзах вариант семейной саги, которая когда-нибудь, силой одной-двух деталей, сойдется в единое целое. Но усилия эти тщетны. Перекличка между частями — это как будто каждый раз заново решаемое читателем математическое уравнение с теми же переменными, только разбросанными в новом порядке. Каждый эпизод заканчивается словами «до самого рая», наконец, все они кажутся вариантами какой-то давно знакомой истории.

С первой частью, «Вашингтонская площадь», сразу понятно, что за история имеется в виду, — это прямая отсылка к классическому роману Генри Джеймса с тем же названием. Книга 1880 года рассказывает историю «ни веселой, ни хорошенькой» богатой наследницы Кэтрин, за рукой которой, а скорее за приданым, охотится юный авантюрист Морис. Отец героини не дает браку случиться, грозит лишить дочь наследства — и та навсегда остается одинокой. Новизна романа Джеймса была в том, что героиню его в итоге выковывали страдания — она становилась эмансипированной, независимой, упрямой и в финале, после смерти отца, сама уже отвергала ухаживания вернувшегося возлюбленного. Возможно, этим объясняется его популярность, ведь тогда нечасто можно было встретить истории про обретенную женскую независимость. Популярность настолько огромная, что

читатель Янагихары эту хорошо знакомую ему историю, несомненно, узнает.

Только теперь она выглядит так: Дэвид Бингем, уже не очень молодой наследник богатого и уважаемого семейства, живет роскошно, в мраморном доме на Вашингтонской площади. Дело происходит в самом конце XIX века, но в той альтернативной его версии, где Нью-Йорк и окрестности уже сто лет как считаются Свободными штатами, «где мужчины и женщины свободны любить, кого пожелают» и где поощряются однополые браки, особенно договорные. Добрый дедушка находит Дэвиду, засидевшемуся без пары, идеального мужа — немолодого, но добродушного вдовца Чарльза Гриффита. Но наш герой влюбляется в другого, нищего, но обаятельного Эдварда Бишопа, которого, возможно, интересуют только золотые слитки наследства Дэвида.

Что до второй части, в центре которой жизнь гомосексуальной пары во время неназванной эпидемии XX века (имеется в виду, очевидно, СПИД, но он ни разу не упоминается), то в ней легко узнается неторопливый стиль Майкла Каннингема (он, кстати, тут был чуть ли не литературным консультантом, во всяком случае читал несколько черновиков романа). А в третьей, где героиня живет в дистопическом Нью-Йорке, в конце постоянно сотрясаемого пандемиями XXI века, узнается, помимо

Оруэлла, еще один любимый писатель Янагихары,
Кадзуо Исигуро.

ФРАГМЕНТ РОМАНА «ДО САМОГО РАЯ»

«Надо было ложиться спать: правительство хотело, чтобы мы вели здоровый образ жизни» Фрагмент нового романа Ханьи Янагихары «До самого рая». О Нью-Йорке будущего, где нет свободы

То есть «До самого рая» — это фанфик? В каком-то смысле да. Дело в том, что один из главных приемов Янагихары в принципе считается приемом фанфикшена. Речь идет о hurt/comfort, чередовании страдания и утешения. В самом этом чередовании есть что-то эротическое, как будто для того, чтобы получить утешение, сперва надо довести себя до состояния некоторой взвинченности. И вместо психологического романа о том, как устроены людские души, или реалистического романа о том, как устроены людские миры, писательница всегда будет предлагать нам роман о том, как мы страдаем. И главный вопрос будет, возможно ли после всего этого hurt и правда получить какой-то comfort.

Можно, кстати, вообще не считать Янагихару писательницей, а ее творения — романами. Представьте, что это современное искусство, в котором она разбирается не хуже. Та же «Маленькая жизнь» была

буквально написана с фотографий, коллекции образов⁽¹⁾, которые Янагихара собирала на протяжении нескольких десятилетий. То же самое и здесь, психологические портреты героя или времени писательницу не интересуют, а логика ее альтернативных реальностей легко разбивается в прах. Они и не важны тут.

Вот вы приходите в галерею современного искусства и пытаетесь разглядеть приметы современности в объектах, которые представляют реальность искаженной, заведомо другой. Так и здесь. Тем более что Янагихара очень любит заниматься именно внешней стороной реальности: описывать, например, пиры, или роскошные интерьеры, или картины, или костюмы.

Но важнее оказывается другое — что, если у каждого из нас, по выражению Джулиана Барнса, есть одна история, чтобы ее рассказать? «До самогорая» становится такой историей во многих лицах — и повторится она столько раз, пока не станет единственно возможной. Про то, что, как ни верти обстоятельства жизней, это всегда будут одни и те же люди, запертые в одних и тех же условиях. Рай, который они оставили позади, всегда будет, как говорит первый из Дэвидов, «чужими небесами». А те небеса, которые предназначены им лично, можно получить, только если смело совершить шаг в неизвестность. Или не получить, но для этого романа важно само движение, именно оно способно изменить героев. сделать их другими людьми.

«До самого рая» мог бы быть сатирическим романом про пандемию. Самая обстоятельная глава здесь посвящена миру, где карантины стали нормой и люди, чтобы выжить среди этих смертных болезней, пожертвовали своей свободой. Но он не об этом. Он мог бы быть романом про права меньшинств, судьбу гавайцев, точно так же пожертвовавших своей свободой для благополучия, или про то, как легко эти, с таким трудом обретенные, права потерять. Но все это только фон. Он мог бы быть — и это ближе всего к правде — романом о любви. В конце концов, без любви шестеренки сюжета даже не задвигаются.

Но прежде всего это история про надежду. Про то, что вера, что нас любят, что наши собственные небеса возможны, заставляет нас действовать вопреки всему, не боясь возможных последствий. И когда эта вера уже глубоко переменила нас, она сама становится дорогой в рай.

И чем это, скажите тогда, не важный роман о современной России?

О РОМАНЕ ХАНЬИ ЯНАГИХАРЫ «МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ»

«Маленькая жизнь» Янагихары: самая обсуждаемая книга года За что ее можно полюбить и возненавидеть

Лиза Биргер

(1) Это как?

У Янагихары, как у редактора арт-журналов, была коллекция фотографий, которые она собирала с 17 лет. Перед написанием «Маленькой жизни» она разложила снимки перед собой и на основе этой последовательности написала историю.

[Вернуться к тексту.](#)